

Маркевич Болеслав Михайлович

**На повороте. Два романа Б.М.
Маркевича**

Том 3. Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Б79

Б79 **Болеслав Михайлович М.**
На повороте. Два романа Б.М. Маркевича: Том 3. Часть 2 / Маркевич Болеслав Михайло-
вич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 237 с.

ISBN 978-5-519-95424-2

ISBN 978-5-519-95424-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

все, что было въ домѣ, старые и малые, собиравось на крыльцо, чтобы всѣмъ разомъ отправиться въ церковь, показалась издали, словно несшаяся вмѣстѣ съ колокольнымъ звономъ, и съ грохотомъ подкатила къ подъѣзду щегольская и здоровая коляска генерала Рындина. Оома Богдановичъ, уже успѣвшій принарядиться во фракъ и въ свѣтлыя брюки, кинулся со всѣхъ ногъ встрѣчать его — и принявъ къ себѣ на грудь Сашу, выскочившаго изъ коляски первымъ и съ такимъ азартомъ, что они непременно оба свалились бы съ ногъ, еслибы не случился тутъ длинный майоръ Гольдманъ, который уперъ могучую длань свою въ спину Оомы Богдановича и тѣмъ спасъ его отъ постыднаго крушенія. Сашу между тѣмъ подхватила на лету вся «орда» товарищей, давно нетерпѣливо ожидавшихъ его пріѣзда. Онъ переходилъ изъ объятій въ объятія. Жабинъ привѣтствовалъ его даже какими-то стихами изъ Державина.

— Здорово, здорово, Вася, пробасилъ, облобызавъ предварительно трижды Оому Богдановича, старикъ генералъ, давая поцѣловать племяннику небольшое остававшееся свободнымъ отъ волосъ мѣстечко на щекѣ своей, — все въ верхъ тянешься; на службу царскую пора бы! Я вотъ Сашу на дняхъ въ Питеръ везу, въ корпусъ... Ну, а что, — какъ отцу твоему?

— А совсѣмъ молодецъ, не далъ отвѣчать Васѣ Оома Богдановичъ, — кулакомъ теперичка вола свалить!

Генералъ разразился смѣхомъ.

— Люблю за сравненіе, молвилъ онъ, обнявъ и трепля хозяина по спинѣ. — А сестрица что, въ вождедѣнномъ?... А вотъ она сама, красавица писанная! воскликнулъ онъ — и двинулся на встрѣчу Любовь Петровнѣ, вышедшей изъ садовой калитки и подымавшейся на крыльцо.

Она была въ большой круглой соломенной шляпѣ и длинномъ бѣломъ арабскомъ бурнусѣ, который падалъ съ ея плечъ какими-то удивительно благородными и красивыми складками. Она всѣхъ точно освѣтила своимъ появленіемъ.

— Эка пава! крикнулъ Оома Богдановичъ.

— Пожалуйста ручку, сказалъ генералъ, и, овладѣвъ ею, повернулъ ладонью вверхъ и поцѣловалъ въ отверстіе перчатки. — Герасиму, слышалъ, лучше; душевно поздравляю. Ну, а вы сами?

— Вашими молитвами, прозябаю понемножку, молвила она улыбаясь.

— Въ эдакомъ раю-то прозябать! захохоталъ генералъ Рындинъ, махнувъ рукой на окрестность. — Отсюда и не выѣхалъ бы кажется...

— Я и не намѣрена, поспѣшно сказала Любовь Петровна, сдвинувъ брови.

— А я и не пущу! молодецки топнулъ ногой Оома Богдановичъ.

— А впрочемъ, продолжалъ генералъ, pokruchивая усы и смѣясь всею грудью, — я полагаю, сестрица, вы и въ царствѣ небесномъ нашли бы законную причину Господу Богу жалобу подать,

еслибы вамъ, къ примѣру, запрещено тамъ было ангеловъ съ ума сводить? Такъ я говорю-съ?

— Я нахожу и теперь самую законную причину на васъ жаловаться, только не знаю кому, за ваши неумѣстныя шутки, полуусмѣхаясь, полусердясь, отвѣчала она на это.

— Какія же шутки, помиуйте-съ! не унывалъ расходившійся генералъ. — Я недавно еще имѣлъ случай видѣть одну изъ вашихъ жертвъ.

Любовь Петровна подняла на него глаза.

— Вы старый шутъ! съ громкимъ смѣхомъ проговорила она и, отвернувшись отъ него, заговорила съ Трухачевымъ, который такъ и вился подлѣ нея, улавливая видимо случай обратить на себя ея вниманіе.

Генерала Рындина даже покорибило, я это замѣтилъ,—но онъ не счелъ нужнымъ показать, что сердится.

— Отъ васъ, Любовь Петровна, и этотъ невѣдомый мнѣ доселѣ чинъ не почту себѣ за стыдъ принять, любезно отпустилъ онъ, поклонившись и браво звякнувъ шпорами.

Она обернулась къ нему опять и съ очаровательною улыбкой протянула ему руку, которую генералъ снова нѣжно поцѣловалъ въ перчатку.

— Господа, мое почтеніе, сказалъ онъ, будто только теперь замѣтивъ офицеровъ собравшихся на крыльцѣ,—очень радъ васъ видѣть.

Онъ погрузилъ зоркій взоръ въ ихъ толпу.

— Изъ знакомыхъ здѣсь кавалеристовъ нашихъ не всѣ, кажется, пріѣхали? спросилъ онъ.

Офицеры стали перешептываться, считая друг друга глазами.

— А будетъ еще, будетъ кавалерія, отвѣтилъ за нихъ Оома Богдановичъ, — а артиллерія ужь туточки!

— Здорово, юноша! заговорилъ опять старикъ Рындинъ, замѣтивъ меня, — поклонъ тебѣ привезъ отъ матушки; батюшку не видалъ, не совсѣмъ еще поправился, говорятъ... Да бишь! вдругъ вспомнилъ генералъ, — Софья Михайловна говорила мнѣ о какой-то посылкѣ, хотѣла со мною вамъ прислать... Саша, не помнишь, доставлена намъ она?

— Нѣтъ, папа, молвилъ Саша, — ее кажется...

— Получена, получена, кидаясь къ генералу и подмигивая ему, заготовилъ Оома Богдановичъ, — по окказіи получена.... А, да вотъ и моя хозяйка!....

Краснѣющая и сконфуженная Анна Васильевна, со шляпкой на боку, въ сопровожденіи спокойно улыбавшейся и какъ кукла разодѣтой Галечки, поспѣшно сходила съ лѣстницы.

— Экипажи подавайте! крикнулъ хозяинъ. — Господи, да гдѣ голова у меня! И онъ схватился за нее обѣими руками. — Перекусить вамъ съ дороги треба, ваше превосходительство, перекусить.

— По горло сытъ; часъ тому назадъ, пока лошадей перемѣняли, мы съ Сашей перехватили важно, молвилъ генералъ. — Ну а послѣ обѣдни, пожалуй, можно будетъ и вторично... Много-

уважаемая Анна Васильевна, не прикажете ли, въ моей коляскѣ?

Онъ усадилъ ее, сѣлъ самъ, и дорожный щестерикъ на полныхъ рысяхъ повлекъ тяжелую генеральскую коляску въ церковь. Любовь Петровны съ Галечкой и Дарьей Павловной поѣхали за нею въ шарабанѣ, сопутствуемая Трухачевымъ верхомъ. Съ полсотни разнородныхъ и разнокалиберныхъ экипажей помчались за ними вслѣдъ. Мы переглянулись съ Васей и, пропустивъ Сашу съ товарищами,—они предпочли отправиться въ церковь пѣшкомъ,—вскочили въ линейку, гдѣ уже сидѣлъ маіоръ Гольдманъ и два другихъ офицера его полка; они живо между собой разговаривали и не обратили на насъ никакого вниманія.

— У него сильная протекція въ Петербургѣ, говорилъ одинъ.

— На то нѣмецъ! коротко и рѣзко фыркнулъ командоръ.

— Все это такъ-съ, молвилъ другой гусаръ,—только я навѣрное знаю, что тамъ сказали: рано. Вѣдь и точно, года нѣтъ какъ ему офицерское званіе вернули.

Первый изъ говорившихъ засмѣялся.

— А я такъ думаю, что это вздоръ. При связяхъ его и ловкости, да захоти онъ,—онъ навѣрное былъ бы уже теперь въ гвардіи. Дѣло въ томъ что самъ онъ не хочетъ... Ему и здѣсь хорошо...

— Въ Юрасовкѣ-то? насмѣшливо спросилъ маіоръ.

— Ну, положимъ, и не въ Юрасовкѣ... Толь-

ко вы поймите, Степанъ Парѣенычъ, что не изъ однихъ же чиновъ быются люди, особенно въ молодые годы. Бываютъ и другіе виды...

Маіоръ выпучилъ на него такіе страшные глаза, что офицеръ не смѣлъ докончить; онъ оглянулся на насъ съ Васей и тотчасъ же отвернулся, чтобы скрыть краску, которою внезапно покрылось все его лицо.

Товарищъ его, сидѣвшій къ нему спиной, рядомъ съ Васей, ничего не замѣтилъ.

— А поглядѣли бы вы, Степанъ Парѣенычъ, заговорилъ онъ,—какъ онъ себя тамъ, въ какую-нибудь недѣлю времени, устроилъ. Простую хату въ бонбоньерку, можно сказать, превратилъ, стѣны, потолоки, полы, все это въ коврахъ, увѣшано оружіемъ... Тысячъ на десять, вѣрно, вывезъ онъ всякаго такого добра съ Кавказа... Да съ, договорилъ молодой офицеръ и глубоко вздохнулъ при этомъ,—этому счастливчику хоть первую львицу изъ Петербурга не стыдно принять въ такой хижинкѣ...

— Вахмистръ, чуть не крикнулъ маіоръ, — вахмистръ у него, полагаю, что себѣ хочетъ, то и дѣлаетъ?

— Это уже само собою, отвѣчалъ, расхохотавшись, гусарь;—только вѣдь и боится онъ его, повѣрите, страхъ! Вчера, напрімѣръ...

Офицеръ началъ передавать какую-то исторію про Фельзена—рѣчь шла несомнѣнно о немъ—и его вахмистра, изъ которой я ровно нечего не понималъ, кромѣ того развѣ, что это самое помѣ-

шало барону отправиться сегодня утромъ въ Богдановское одновременно съ разскащикомъ, какъ они это намѣревались сдѣлать вчера.

Вася все слышалъ—и все понялъ; онъ сидѣлъ уткнувшись въ уголъ линейки, не поворачивая головы, опустивъ глаза. Болтливые офицеры очевидно не знали кто онъ. Едва остановились наши дроги, онъ соскочилъ и, не ожидая меня, побѣжалъ въ церковь. Командоръ расправилъ свои длинныя ноги, и остановившись на паперти, обвелъ мрачнымъ взглядомъ всю прибывшую съ нимъ компанію, то-есть двухъ товарищей своихъ и меня многогрѣшнаго. «Проваливай, молоко-сосъ», казалось, говорилъ мнѣ этотъ взглядъ. «И безъ тебя знаю!» старались отвѣчать ему мои глаза. И я прошелъ въ церковь, не сомнѣваясь что, оставшись одинъ съ гусарами, онъ прочтетъ имъ достоудѣнную нотацію.

Вася забился въ церкви куда-то такъ далеко, что я его и не отыскалъ. Мы увиделись съ нимъ лишь по окончаніи обѣдни.

XXV.

Начался разъѣздъ. Генералъ повезъ опять Анну Васильевну въ своей коляскѣ. Ома Богдановичъ подхватилъ Дарью Павловну и двухъ другихъ дамъ и отправился съ ними въ большомъ открытомъ четверомѣстномъ ландо. Галечка, въ ожиданіи шарабана и Любовь Петровны, не выходившей еще изъ церкви, стояла на паперти окруженная гостями. И посмотрѣли бы вы, читатель, съ какимъ скромнымъ достоинствомъ, съ какою приличною самоувѣренностію обращалась она къ нимъ, какъ умѣла она каждому сказать привѣтливое слово, и сколько было оттѣнковъ въ ея голосѣ, въ ея улыбкѣ, смотря по тому, говорила ли она съ почтенною дамой, съ застѣнчивымъ офицеромъ или съ нашимъ братомъ-шалуномъ! Обождатель ея Жабинъ исправлялъ при ней должность адъютанта и краснѣлъ каждый разъ какъ она, случайно или намѣренно, подымала на него свои черные, умные глазки. Онъ ужасно суетился, ловилъ каждаго изъ товарищей выходившихъ изъ церкви и передавалъ приглашеніе «mademoi-

selle Анна» приходитъ, по возвращеніи въ домъ, пить шоколадъ на ея половину, причемъ наставнически поучалъ каждаго, что отказываться нельзя, что не придти къ Галечкѣ было бы высшею неучтивостію.

— Ну и ступай самъ, пей шоколатину, бузиной запивай, а мы не пойдѣмъ! злобно отрѣзалъ ему Саша Рындинъ, который, по обыкновенію, собиралъ вокругъ себя охотниковъ играть въ войну и понималъ приглашеніе Галечки, какъ личную для себя обиду.

И онъ увелъ своихъ сторонниковъ подальше отъ соблазна Галечкинаго приглашенія. Лишь самые юнѣйшіе, въ томъ числѣ Лева и пріятель его Опицкій, не пошли за прочими, узнавъ отъ самой Галечки, что шоколатъ будетъ очень сладокъ и, что они получаютъ его каждый по двѣ чашки.

— Tu viendras aussi, Basile? обратилась Галечка къ Васѣ, который тѣмъ временемъ, безучастный ко всему, что шумѣло и двигалось вокругъ него, стоялъ рядомъ со мною на паперти, глядя въ даль глубоко задумчивыми глазами.

— Куда это? спросила подошедшая къ намъ Любовь Петровна.

Она не менѣе сына казалась задумчива и блѣдна.

Галечка объяснила.

— А меня примешь? спросила мать Васи.

— О, ma cousine, вскрикнула Галечка, обнимая ее, — vous me rendez tout à fait heureuse!

— Такъ поѣдемъ скорѣе, Вася, ты могъ бы съ Борисомъ сѣсть къ намъ въ шарабанъ, онъ четверомѣстный...

— Мерсі, тапан...

Онъ подошелъ къ ней,—она закинула ему руку за шею и прижалась лицомъ къ его лицу; не разставайся никогда со мною! точно хотѣло сказать это ея внезапное, страстное какое-то движеніе...

Я побѣждалъ отыскивать замѣшкавшійся шарабанъ.

Въ него запряжена была пара старыхъ, когда-то весьма цѣнныхъ; сѣрыхъ лошадей въ англійскихъ шорахъ; Любовь Петровна сама ими правила. Мы усѣлись вчетверомъ,—Вася впереди, рядомъ съ матерью, я съ Галечкой на заднемъ сидѣньи. Трухачевъ и еще какіе-то два гусара скакали верхами по обѣимъ сторонамъ экипажа и занимали пріятнымъ разговоромъ нашихъ дамъ до самаго пріѣзда въ домъ.

— Забѣги, Боря, къ папа, узнай какъ ему, шепнулъ мнѣ Вася на крыльцѣ.

Любовь Петровна оперлась на его руку, и они поднялись по лѣстницѣ.

Я обогналъ ихъ и побѣждалъ къ Герасиму Ивановичу.

Онъ только-что заснулъ. Савелій сказалъ мнѣ, что онъ съ самаго утра находился въ особенно хорошемъ расположеніи духа и все толковалъ нелзя ли бы ему было поѣхать къ обѣднѣ. Савелій отговорилъ его лишь тѣмъ, что барыня разсер-